

УДК 821.161.1:398.9

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПАРЕМИЙ
В ТВОРЧЕСТВЕ В.П. АСТАФЬЕВА**

Сарсенова Алия Куралбаевна

sarsenovaaaaa11@gmail.com

Студентка ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Научный руководитель – Ж. Джамбаева

Общеизвестен тот факт, что паремии являются неотъемлемой частью фольклора, а также представляют собой предмет исследования таких наук, как лингвистика, литературоведение, фольклористика и т.д. Сам термин «паремия» перешел в русский язык из греческого языка и является синонимом к таким понятиям, как пословица, поговорка и притча. На это указывает М. Фасмер в своем «Этимологическом словаре русского языка» [1]. Точного определения слова «паремия», которое могло бы в полной мере и однозначно объяснить термин и максимально раскрыть его смысл, в русской лингвистике на данный момент не существует.

Главная проблема в определении термина «паремия» заключается в общеупотребительности и в то же время многозначности, обусловленной историческим процессом. Если раньше паремия считалась узкоспециализированным понятием, относилась к литературоведческим терминам и подробно рассматривалась в качестве неотъемлемой составляющей фольклора, то в нынешнее время ее терминосфера значительно расширилась. В современной науке ученые периодически включают в понятие паремии не только пословицы и поговорки, но и басни, песни, притчи, афоризмы, имена собственные, перешедшие в разряд имен нарицательных. В итоге это привело к изменению самого статуса термина с литературоведческого на междисциплинарный, из чего следует, что в настоящее время термин «паремия» получает разные определения, отличающиеся друг от друга в зависимости от интересующих исследователей аспектов.

В данной работе мы, вслед за Л.Б. Савенковой, определим паремию как краткое и устойчивое в языке и воспроизводимое в речи выражение, которое нередко имеет

дидактический, поучительный характер и форму законченного предложения [2, с. 22]. Также состав и значение поговорки может подвергаться дискурсным изменениям в зависимости от контекста.

Используя поговорки в художественном тексте, автор прежде всего подчеркивает особый национальный колорит произведения. Такой прием нередко встречается в творчестве писателей «деревенской прозы», которые, в первую очередь, изображали быт и философию простого народа, его гуманно-этические ценности и традиции, передающиеся из поколения в поколение. Ярким представителем «деревенской прозы» был и Виктор Петрович Астафьев, выдающийся советский и российский писатель, автор таких замечательных произведений, как повести «Последний поклон», «Васюткино озеро», «Царь-рыба», романы «Прокляты и убиты», «Тают снега», «До будущей весны» и т.д. Его работы были высоко оценены критиками и читателями за живой язык и правдивое изображение деревенской и военной жизни простого народа.

Характерной чертой творчества Виктора Астафьева является обилие поговорок в произведениях. Такое использование поговорок в художественном тексте может преследовать несколько целей. Во-первых, таким образом могут оцениваться какие-либо возникшие ситуации или сами персонажи. Во-вторых, введение поговорки в речь является немаловажной составляющей характеристики персонажа. В-третьих, как говорилось выше, поговорки имеют способность подчеркивать национальный колорит, и их обилие в тексте является особенностью творчества плеяды писателей «деревенской прозы». В-четвертых, поговорки создают особое, надтекстовое восприятие художественного текста и авторской мысли. Здесь стоит отметить, что у поговорок есть одно примечательное свойство: они при должном использовании могут отображать взгляды писателя, при этом не навязывая их читателю. Причина такого эффекта кроется в том, что в подавляющем большинстве случаев поговорки вводятся не в авторскую речь, а в речь персонажей, становясь частью их реплик и их образа. Как правило, читателем такие поговорки переосмысливаются, приобретая другое значение. Следовательно, смысл поговорок в сознании читателя абстрагируется от соответствующих ситуаций в произведении, что, в итоге, и создает это особое надтекстовое восприятие художественного текста.

Проследим вышеперечисленные свойства на примере произведений Виктора Астафьева: «*Спи, не бойся. Жизнь страшнее снов*», – реплика бабушки героя рассказа «Конь с розовой гривой» [3, с. 66]. Такое утверждение, введенное в речь персонажа, отражает позицию, собственно, персонажа, а никак не самого автора. Читатель может быть согласен или не согласен, но, в любом случае, на его восприятие произведения это влиять не способно. Кроме того, подобная реплика в анализируемом контексте характеризует персонажа как более зрелого и опытного, чем герой (то есть внук) человека и носит в какой-то мере назидательный смысл. А вот следующая поговорка, произнесенная персонажем из рассказа «Деревья растут для всех»: «*Только деревья, батюшко, растут для всех, всякая сосна в бору красна, всякая своему бору и шумит*» [Там же, с. 36]. Здесь следует отметить, что поговорки зачастую могут иметь два плана: прямой и переносный, или, другими словами, буквальный и иносказательный. Поговорка *всякая сосна в бору красна, всякая своему бору и шумит* относится к разряду поговорок с двойным планом. В данном случае будет уместнее, понимать ее в иносказательном, образном плане, даже если, согласно контексту, персонаж вкладывал в свои слова буквальный смысл.

Так как поговорка является родовым наименованием, помимо поговорок и поговорок в данное понятие входит и разряд пословично-поговорочных выражений. Пословично-поговорочные выражения – это такие выражения, которые имеют в себе черты и поговорок, и поговорок. Выделяются эти выражения тем, что какая-то определенная часть составляющих их слов близка или совпадает со словами из группы свободного употребления, а тем временем другая часть слов носит фигуральный, переносный характер, причем последняя часть зачастую может являться действительными и

потенциальными фразеологизмами. Отделяли такие выражения от пословиц и поговорок В.П. Жуков и В.И. Даль, обозначая данный разряд как широкий пласт между пословицами и поговорками.

Пословично-поговорочные выражения также нередки в работах Виктора Астафьева, например, в его рассказе «Запах сена»: «*Эта Лысуха (лошадь) хорошо везет, да часто копыто отряхивает!*» [3, с. 50]. В данном изречении мы наглядно можем увидеть, что первая часть несет буквальный характер, а сами слова – из сферы свободного употребления, в то время как вторая часть имеет образный характер. Пословично-поговорочные выражения выполняют функцию создания фольклорного, национального колорита, как и в данном случае, а также могут описывать различного рода ситуации. Например, изречением «*Пожилось дураку – по три чирья на боку*» персонаж рассказа «Монах в новых штанах» дает оценку герою [Там же, с. 105]. При этом такая оценка может абсолютно не совпадать с авторской, так как остается введенной в реплику персонажа.

Лингвисты в своих исследованиях свойств паремии утверждают, что паремии невозможно ограничить какими-либо концептуальными рамками, так как разряд паремий не статичен. Одной из причин такого явления в языке является то, что паремии имеют склонность к деривационным и трансформационным метаморфозам, то есть изменению не только смысла, но и формы. Такие трансформации могут приводить даже к изменению смысла с изначального на прямо противоположный. Пример такой метаморфозы мы видим в рассказе «Запах сена», где персонаж изменяет известную пословицу «*Хлеб – всему голова*» на «*Пойло всему голова*», адаптируя к своей ситуации. Измененные таким образом паремии могут иметь широкое распространение в определенных кругах, например, как в данном рассказе, в сфере конюхов [3, с. 55].

На данный момент в современной науке у паремий нет такой классификации, которая бы отразила все характерные черты в полной мере. Это также связано с невозможностью их ограничения концептуальными рамками. По этой причине имеющиеся классификации, как правило, являются односторонними.

С точки зрения структуры паремии делятся на повествовательные и побудительные, полные и неполные, простые и сложные, двусоставные и односоставные, бессоюзные и союзные, бессоюзные, сложносочиненные и сложноподчиненные и т.п. В этом плане в творчестве Виктора Астафьева большое разнообразие: встречаются и повествовательные (*черта самого самовитее*) [4, с. 78], и побудительные (*еши с дедом ши капустные, будет шея бела, кудревата голова* [Там же, с. 80]; *лошадь за рекой купи* [Там же, с. 54]), полные (*зорька поет, значит, утро идет*) [Там же, с. 32] и неполные (*в кармане – вошь на аркане*) [Там же, с. 61], простые (*жизнь страшнее снов*) [Там же, с. 66], сложные (*черт в подкладке, сатана в заплатке*) [Там же, с. 101], бессоюзные (*доля во времени живет, бездолье в безвременье*) [Там же, с. 76], сложносочиненные (*хорошо везет, да часто копыто отряхивает*) [3, с. 50] и т.д.

К примеру, в паремии *зорька поет, значит, утро идет*, которая являет собой полное в смысловом и грамматическом аспекте предложение, формальное выражение имеют все составляющие.

В свою очередь в паремии *в кармане – вошь на аркане*, которая имеет вид неполного и не полностью законченного предложения, опускается один и больше его составляющих таким образом, чтобы для понимания паремии «восстановление» пропущенных слов не требовалось. Паремии данного типа называются эллиптическими. В эллиптических паремиях неполной представляется не смысловая часть, а структура предложения, которая свободно восстанавливается из контекста или текстовой или вербальной картины происходящего. Такая неполнота грамматического состава делает сообщаемую мысль более краткой, придает ей сжатость, компактность, а также увеличивает семантическую емкость мысли, заостряет ее.

Таким образом, паремия является обязательным средством создания народного, национального колорита, который всегда был отличительной чертой творчества Виктора Астафьева в частности и плеяды писателей «деревенской прозы» в целом.

Список использованных источников

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка // Электронный ресурс [Режим доступа]: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/etimologicheskij-slovar-russkogo-jazyka-fasmer/>
2. Савенкова Л.Б. Паремия в художественных текстах разных жанров. Марина Цветаева // Творчество и коммуникативный процесс, №7, 1999 // Электронный ресурс [Режим доступа]: <http://www.ipmce.su/~tsvet/WIN/about/philol/savenkova00.html>
3. Астафьев В.П. Последний поклон: Повесть. – Москва: Современник, 1989, Т. 1, 336 с.
4. Астафьев В.П. Последний поклон: Повесть. – Москва: Современник, 1989, Т. 2, 432 с.